

**ВЛАДИМИР
КОЛЬЧЕВ**

**УБИЙСТВО
В КРАСКАХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Убийство в красках / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Колычев. Луч-
шая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-225895-4

Герберт Каманин — профессиональный чистильщик. В криминальной среде его задача — подтирать «разлитую краску», то есть ликвидировать следы совершенного преступления. Вот и на этот раз заказчик, большой человек в банковском бизнесе, приказал Герберту убрать труп убитого любовника крупной чиновницы Ларисы. Каманин спешит выполнить приказание босса, не подозревая, что случайное знакомство с коварной и любвеобильной Ларисой в скором времени обернется для него серьезными испытаниями...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225895-4

Глава 1

Алкоголь — наиболее простой способ снять стресс, этанол очень быстро всасывается в кровь, повышается уровень адреналина, рецепторы головного мозга возбуждаются, нервные клетки тормозятся, отсюда и эйфория на фоне замедленного мышления, для начала человек расслабляется, ну а там уж как пойдет. Герберт с удовольствием пропустил бы пару порций виски, но нельзя, в любой момент могут позвонить, поставить перед фактом, а решать проблемы нужно на трезвую голову, только так вероятность ошибки можно свести к нулю. А ошибаться ему в работе никак нельзя, может дорого встать. Впрочем, он знал, как поднять уровень адреналина в крови без вреда для организма и даже с пользой для здоровья. Два часа усиленной тренировки, протеиновый коктейль для бодрости духа — и в клуб, в грохот кислотной музыки. Если правильно соблюсти пропорции, состояние легкого опьянения гарантировано. Душ в этот список добавляется по вкусу. Как это ни странно, но в клубах Москвы

еще встречаются женщины, которым нравится запах свежего мужского пота в сильной концентрации. Но такими отклонениями от нормы Герберт не страдал, да и предпочитал обычных девушек с легким отношением к жизни во всех ее проявлениях.

Одна уже идет навстречу: нежный овал лица, жесткая линия бровей, холодный взгляд, чувственный рот, волосы длинные, платье короткое, ножки стройные, с мозжечком наверняка все в порядке, но движения разбалансированные, причина проста — каблуки жмут. Привыкла к мокасинам и кроссовкам, а тут босоножки на шпильке, оттого держится неважно, а еще бедрами вилять пытается.

Шатеночка заметила его, задержала взгляд, контакт установлен, пора действовать.

— Стоять!

Герберт остановился — мягко, едва касаясь руки девушки.

— Замри!

Она, конечно же, остановилась, повернулась к нему, затаенно-восторженная улыбка, заинтригованный взгляд, но раздражение уже совсем рядом. Если Герберт не сможет развить свой сценарий знакомства, его ждет пренебрежительное «фи».

В клубе шумно, музыка, галдеж, но Герберту это лишь на руку, можно вплотную приблизиться к шатенке, почти прижаться, ощутить энергетику ее тела.

— Я этот момент видел во сне, я иду, ты навстречу.. Или ты идешь, я навстречу?

Герберт едва не касался губами ее уха. Волосы отдавали кислятиной, питательная маска из кефира — палка о двух концах, впрочем, запах не отбил нюх. Но и аромат французских духов на этом фоне вряд ли усилил его.

— Все равно! — тихо, но с чувством сказала девушка.

Она не льнула к нему, но и не отстранялась.

— Я хочу знать, что будет потом. Во сне было одно, а что мы сможем предложить друг другу наяву? Давай попробуем и сравним?

— Что попробуем?

В ее голосе слышалось согласие. Герберт мог увести ее к барной стойке, на танцпол, разогреть, а потом в туалет, кабинки в этом клубе удобные, просторные. Домой нежелательно, хотя это совсем рядом.

Но в кармане зазвонил телефон, рингтон — стандартное срабатывание автосигнализации. Срочный вызов на ночь глядя, и это, увы, не сон.

— Вот именно это и попробуем, — вздохнул он, вынимая телефон.

Мобильник у него самый простой, такой по уникальному идентификатору не отследить, в том его и ценность. Но шатенке этого не объяснить, Герберт заметил, как погас ее взгляд. И собой недурен, и прикинут фигурно, кадриль хорошо танцует, кадрит на раз, а телефон отстой, но вечер в разгаре, мужчины с айфонами последних моделей знакомство уже не предложат, в общем, Герберт опустил в графу «лучше что-то», но ему-то все равно, завтрак в постели его не интересует, во всяком случае с этой девицей.

— Гера, у тебя двадцать минут, краску разлили, прибраться надо. На Пресню давай!

Хомутов назвал полный адрес, даже не спрашивая, где Герберт и уложится ли он в отпущенное время. А разлитая краска — это труп с огнестрелом или ножевым ранением. Хочешь не хочешь, а ехать надо, других вариантов просто не существует. Клиентура у Хомутова в высшей степени солидная, так что любой каприз, все уже оплачено.

Дом на Красной Пресне премиум-класса, двор не огорожен, но на въезде шлагбаум, на ночь его подняли, проезд открыт. Камеры Герберта особо не смущали, в машине у него блок постановки помех, глушит все, что возможно, в радиусе двадцати метров. Нажал он и на другую кнопку, автомобильный номер в рамке перевернулся

автоматически — предосторожности лишними не бывают.

Дом солидный, в каждый подъезд два входа, Герберт подъехал с заднего фасада. И снова врубил глушилку, всего на несколько секунд. И пока видеокамера в подъезд настраивалась, вплотную подошел к двери. Он уже успел переодеться, толстовка и брюки на нем недорогие, из одноразового комплекта на особые случаи. И капюшон большой, голова утопает в нем глубоко, неплохая маскировка для лица. И солнцезащитные очки непростые, по форме вроде бы самые обыкновенные, но внешность корректируют заметно. Особенно если нижняя часть лица скрыта под медицинской маской.

Герберт набрал номер квартиры, его ждали — сразу послышался щелчок. Консьержки с этой стороны нет, камера только одна. Выхода к лифту также нет, но так ему и не нужно, четвертый этаж не высота. Дверь в холл на три квартиры уже открыта, Герберт закрыл ее, не опасаясь оставить пальчики. Руки обработаны аэрозолем, создающим эффект жидких перчаток. В руке особый чемоданчик, там полно всякой химии.

Дверь открылась перед самым носом, видимо, хозяйка квартиры стояла у экрана домофона в ожидании гостя. А хозяйка женщина молодая,

чуть старше тридцати, стандартно-эффектная, лифтинг-макияж, наращенное все — от волос до кончиков ногтей, накачанные губы, у этой хотя бы в меру. Платье прямое, на вид простое, но дорогое. Женщина худенькая, ей оно идет. Сережки, ожерелье, браслет — все бижутерия, но высокого качества, подобрано со вкусом. Многослойный «каскад» на голове, волосы растрепаны, и вряд ли это замысел женского мастера. Платье с коротким рукавом, на внутреннем изгибе локтя синяки, видимо, кто-то хватал ее не только за волосы. Колготки на коленке порваны, внештатный контакт с асфальтом подтверждали также мелкие ссадины и царапины на внутренней стороне ладони — под тонким слоем свежей уличной пыли. В прихожей стояли туфли на среднем каблуке, освещение довольно яркое, даже поверхностным взглядом Герберт заметил пыль на одном носке. И сломанный ноготь на правой руке наводил на определенные размышления. Впрочем, Герберта совершенно не интересовали подробности конфликта, итог которого распластался на кафельном полу перед открытой дверью в ванную комнату. Ноги крепкие, икры тренированные, явно мужские. Это все, что мог сказать Герберт о трупе, пока находился в прихожей.

— Кто в доме? — сухо спросил он, запирая за собой дверь.

Женщина молодая, интересная, глаза на мокром месте, как будто только что плакала и собиралась продолжать, но ведь и слезинки не проронила, далека она от этого, не тот характер. Есть такое дело — эффект мокрых глаз или влажных век, кому-то не идет, а для кого-то даже не изюминка, а самая настоящая жемчужина в пустой породе. Герберт прогнал ненужные сейчас мысли. Близкие отношения с клиентами противопоказаны, неписаная инструкция четко об этом гласит.

— Никого... Прихожу — лежит!

Герберт кивнул, соглашаясь с женщиной. Клиент всегда прав, даже если он убийца.

По прямой прихожая выводила в гостиную, проход широкий, арочный. Вправо тянулся коридор, слева и прямо по нему спальни, справа туалет и ванная комната. Дверь в нее открыта, за нее и держался правой рукой лежащий на полу мертвый мужчина.левой он закрывал рану в животе, банный халат на нем, крови много, на пол под тело натекло.

И мужчина молодой, в районе тридцати лет, волосы черные, сухие, растрепанные. Видимо, феном после душа он не пользовался, но волосы успели высохнуть. Да и кровь на полу начала

уже сворачиваться. До трупных пятен пока дело не дошло. Герберт поднял левую, еще не ооченевшую руку, осмотрел рану. Несколько ран от одного ножа.

Сам нож валялся на полу в ванной. Лезвие в крови, вокруг подсыхающие капли, а рукоять чистая. Нож кухонный, но действовал человек, знающий, как убивать. Метил в печень, ударил несколько раз, чтобы наверняка. Но несчастный все же умер не сразу, какое-то время он елозил правой рукой по двери, в которую упирался головой, пытался подняться. И к ране руку прикладывал. Но сил у него хватило, по всей видимости, ненадолго.

— Скорую не вызывала? — спросил Герберт.

Разуваться он не стал, просто надел бахилы.

— Какую скорую? Прихожу, а Илья мертвый!..

Герберт кивнул, мысленно проговаривая продолжение фразы. В полицию женщина звонить не стала, испугалась, что ее сделают крайней, позвонила отцу, тот, в свою очередь, Хомутову. А может, и напрямую связалась с банкиром, в любом случае Герберт получил задание — и все, уже не важно, кто убил и кто пострадал. Главное — навести порядок в доме клиента.

А в полицию хозяйка квартиры зря не позвонила. Это не бытовуха, это хладнокровное убийство,

исполненное левшой, профессиональные навыки которого не вызывали сомнения. Если человек косил под левшу, тем более он большой специалист в своем деле. К тому же Герберт не видел крови на руках у хозяйки квартиры, одежда также относительно чистая. Любой более-менее толковый адвокат отмазал бы ее в два счета. Но звонить в полицию поздно, Герберт уже на месте преступления, и нет у него желания остаться крайним.

Мужчина плотного телосложения, не толстый, не худой, килограммов девяносто, не меньше. Расчленять труп времени нет, придется выносить целиком, будет непросто, но у Герберта имеются опыт и тренировка. Не зря же он до изнеможения жал сегодня штангу.

Он открыл чемоданчик, приготовил спрей-заморозку, развязал пояс на теле жертвы, развел полы халата, подолом промокнул кровь на животе и взялся за баллончик. Полностью в жилах кровь свернуться еще не успела, все еще вытекала из ран, но заморозка остановила ее. На дворе конец мая, довольно тепло, полученного эффекта надолго не хватит, а еще нужно добраться до места, но труп будет находиться в герметичном пластиковом саване.

Герберт снял с покойника халат, протер тело и оттащил его в сторону. Пропитанный кровью ха-

лат бросил в ванну, включил горячую воду, грубая стирка лишней не будет. Рулон ветоши из спецчемодана уйдет на тряпки, пол нужно будет протереть два, но лучше три раза. Но сначала нужно убрать тело. В ход пошел пластиковый пакет, в который Герберт упаковал не только труп, но и мокрый, выжатый халат. Сам саван он обернул одеялом достаточной плотности, чтобы скрыть формы тела. И одежду покойника в пакет засунул, все его вещи нужно уничтожить: документы, телефон, часы — все. Телефон уничтожить нужно раньше, чем исчезнет тело. Герберт об этом позаботится.

Он подготовил труп к выносу, взялся за ветошь. Пол кафельный, кровь отмывалась легко, нужно просто протереть, но в дополнение к влажной уборке Герберт обработал место убойной химией, и полы, и дверь. А вот со стенами сложнее, да и под плинтусом с кровью проблема. Снимать нужно плинтус, а это дело небыстрое, в то время как труп нужно вывозить немедленно.

— На первый взгляд все чисто, но придется еще немного поколдовать, — сказал он, закрывая свой чемодан. — В общем, я скоро буду. Дверь никому не открывать, полиции тем более... — сказал и задумался Герберт.

Он успел, пока убирался, познакомиться с хозяйкой квартиры, вопросов не задавал, в душу

не лез, но кое-что уже понял. Лариса действительно куда-то уходила, оставив своего парня в квартире, вернулась, а он мертвый, и кухонный нож валяется в ванной. Вопрос: кто мог убить Илью? И еще: как убийца проник в квартиру? Дверь дорогая, бронированная, замок серьезный, такой отмычкой не взломаешь, возможно, открывали ее с помощью ключа. Открывал тот, кто мог убить и хозяйку квартиры, находишься она дома. А лишний труп Герберту точно не нужен.

— И на защелку дверь закрой, — сказал он, глянув на связку ключей, которая лежала на трюмо в прихожей.

Один комплект ключей в дверях, другой брошен, видно, покойник скинул, когда заходил... Или убийца?

— Я вот тоже думаю, что преступник мог открыть дверь ключом. — Лариса внимательно смотрела на него.

— Вот я и говорю, на защелку надо закрыться, чтобы снаружи никто не открыл.

— А почему ты не спрашиваешь, кто мог убить?

— Я не полицейский, мне все равно.

— Мне не все равно!

Герберт не знал, что связывает Ларису с Хомутовым, сама она звонит ему или через кого-то,

в любом случае сейчас она хозяйка положения, и он должен учитывать ее запросы.

— Я вернусь, и мы поговорим, — пообещал он.

— Буду ждать, — кивнула она.

Герберт выглянул в холл, вернулся в прихожую, взвалил на себя труп, — самый сложный этап в ликвидации последствий преступления начался. И Лариса вдруг вызвалась ему помочь, хотя он даже намеком ее об этом не просил.

— Пойду гляну, что там!

Она вышла из квартиры, выглянула из холла на лестничную площадку, впрочем, Герберт не ждал, когда женщина подаст знак. Да, в одеяло замотан труп, но об этом можно только догадываться. Лучше, конечно, обойтись без свидетелей, но если вдруг кто увидит, то ничего страшного. Если, конечно, труп бесследно исчезнет. Пока все к этому идет, но до финиша еще далеко. Свидетель может в полицию позвонить, вышлют наряд, Герберт, конечно, постарается уйти, но провальный сценарий не исключался.

Он вышел на лестничную площадку, а Лариса вырвалась вперед, спустилась вниз, дождалась его, открыла дверь и побежала наверх.

— Я сейчас!

Герберт не обращал на нее внимания, открыл свой «Вито», с помощью пульта поднял крышку

багажника, забросил тело в свой «мини-катафалк». По сторонам даже не глянул, как будто не труп чей-то в машину загрузил, а мешок картошки. Ноги гудели от перенапряжения, но это не помешало ему сесть за руль. Только закрыл за собой дверь, как появилась Лариса и тут же попыталась присоединиться к нему. Хотела открыть дверь с пассажирской стороны, но не смогла: механизм блокирования замков срабатывал в машине моментально.

Женщина шлепнула ладошкой по стеклу, но Герберт усердно делал вид, что не замечает ее. Во-первых, он просто не мог взять ее с собой. Такая работа, как у него, зачастую требует помощника, но Герберт предпочитал действовать в одиночку. Любой напарник имел свойство рано или поздно превращаться как минимум в свидетеля. И Лариса могла когда-нибудь засвидетельствовать против него, рассказать следствию, куда делся труп.

На Малую Грузинскую Герберт сворачивал под одними номерами, а на Красную Пресню выезжал под другими. По пути к Третьему транспортному кольцу остановился у ночного клуба и выбросил там телефон покойника. Да, заходил парень к Ларисе, но ушел, отправился в ночной клуб, там и пропал, там его пусть и разыскивают, кому надо.

С Третьего кольца он выехал на Ленинградский проспект, а там уже до гаражей рукой подать. Гаражно-строительный кооператив, охрана, ограждение — все как положено. Гаражи капитальные, у Герберта еще и с подвалом.

Хороший подвал, полноценный, не какая-то там смотровая яма. И под машиной можно полежать, на крематоре для утилизации пищевых отходов. Серьезная машина, самодельная, но сердитая, труп целиком загрузить можно, огненные потоки реальной мощности. Ночь — самое лучшее время для работы: дым из трубы не виден. Запах только неприятный, но никто ничего не поймет, проверено.

Герберт на треть загнал машину в гараж, сначала сгрузил тело на доски, затем переместил его в крематор. Одну машину выгнал, другую запустил. Горючего в избытке, как минимум на два трупа хватит.

Стальное пузо натужно загудело, тело сырое, сопла еще не разогрелись, огню явно не хватало мощи. Но печь разогревалась, обожженная плоть жаривалась, огонь усиливался, пока не загудело легко, размашисто и даже требовательно. Дьявольский огонь ждал новых жертвоприношений, но Герберт смог предложить ему только свой костюм и тапочки.

Здесь же, в гараже, находился и душ с электроподогревом, процесс кремации дело небыстрое, Герберт помылся, оделся в чистое. Огонь еще дожирал не совсем перегоревшие кости, а он уже, закрыв гараж, сел в машину. Это хорошо, когда процесс утилизации отлажен, плохо, что ему приходится этим заниматься. Сильные мира сего живут и существуют в мире, где страсти кипят если не с утроенной, то как минимум с удвоенной силой — любовь, измены, ревность, жадность, зависть, сведение счетов, увечья, убийства, просто аварии с летальным исходом, иногда и суициды. В одних случаях удается решить проблему, в других дело доходит до выяснений с законом, уголовные дела нужно разрушать, а это работа с уликами, со свидетелями. Игры с законом — штука опасная, но делать нечего. Существует, например, схема увода денег, когда у клиента как бы возникает задолженность перед зарубежной фирмой-прокладкой, по фиктивным документам суд выносит решение в пользу истца, но выигрывает ответчик, потому что в конечном итоге деньги поступают на его заграничный счет. И таких схем у Хомутова множество, работают его юристы, но если вдруг возникает ситуация, близкая к форс-мажору, без Герберта они как без рук. Он умеет все, даже убивать, но на мокрых

делах не специализируется, для этого есть особи с более низким порогом социальной ответственности, иногда ему приходится убираться и за ними. За это ему платят, и очень-очень хорошо.

Глава 2

Во дворе спокойно, в подъезде тихо, интуиция молчит. А вот Лариса не открывает, Герберт позвонил в дверь раз, другой — никакой реакции. Он уже собирался уходить, когда наконец послышался щелчок, но от сердца не отлегло. Вдруг это враг, который выстрелит в упор или чем-нибудь ударит?

Выстрелить мог и Герберт, пистолет у него травматический, но с усиленными, запрещенными к продаже пулями, убить человека не вопрос, особенно в упор и если знать, куда метить. Но стрелять не пришлось, за порогом стояла Лариса, заспанная, запах перегара — спичку не подноси. Волосы вымыты, высушены, расчесаны, платье домашнее, но смотрится — хоть сейчас на выход.

— А я тут зачахла с тоски, — еле ворочая языком, проговорила она.

— В одиночестве? — спросил он, глядя ей за спину.

— Ты что-то хочешь? — как-то не очень возмутилась она.

Похоже, вопросом об одиночестве Герберт попал в точку, а ведь к Ларисе мог подъехать отец или любовник, кто там заказывал музыку?

— Чахни дальше!

Лариса стояла, хоть бы подалась в сторону, Герберт решительно надвинулся на нее, только тогда она сдвинулась вправо.

— А ты чего такой резкий? — спросила она.

Ожерелья на шее нет, в гостиной на полу валялась костяшка от него. Видно, психанула и сорвала с себя бижутерию. Или кто-то сорвал — вдруг в порыве страсти?

— Я больше не буду, — хмыкнув, сказал он, открывая свой чемоданчик.

— А ты ничего так в костюмчике!

Лариса склонила голову на одну сторону, посмотрела на него, затем на другую, снова глянула. В раздумье. С какого ракурса он смотрится лучше.

Герберт потушил свет в коридоре, где находился труп, достал из чемодана ультрафиолетовый фонарик. На двери пятнышки высветились, на стене, на месте прилегания плинтуса к плитке. Немного, но есть, в общем, придется поработать.

С плинтусом пришлось повозиться, но оно того стоило, Герберт отмыл, уложил его на чи-

стый пол. Все это время Лариса стояла в арочном проходе, плечом прижимаясь к колонне, два раза всего отошла, и то только для того, чтобы плеснуть виски в бокал с жалкими остатками льда в нем.

И дверь отмылась, и стены, Герберт еще раз посветил фонариком, на этот раз все чисто.

— Закончил? — спросила Лариса.

— Закончил, — четко ответил Герберт.

Уверенный ответ в его случае — как подпись в гарантийном обязательстве.

— Нет человека?

— Это не ко мне!

— А знаешь, почему я в полицию не позвонила? — еле ворочая языком, сказала она.

— Не надо мне знать, — закрывая чемоданчик, сказал он.

— Почему? — Лариса стала в дверях, перекрывая выход.

— Мое дело маленькое.

— Маленькое дело у меня. Но я никогда так не говорила. А знаешь почему? Потому что всегда стремилась к большому делу. И ты знаешь, что я этого добилась!

— Знаю, — кивнул Герберт, хотя на самом деле понятия не имел, кто перед ним. Меньше знаешь, крепче спишь.